

УДК 342.8; 328.32

*В.В. Мархинин (мл.)***СРЕДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)**

Институты партийной конкуренции и политического плюрализма формировались в течение постсоветского периода в рамках концепции партии власти, т. е. совокупности формальных и неформальных норм, ограничивавших парламентские возможности оппонентов пропрезидентских сил. Политические эффекты этой практики на различных уровнях избирательной системы были неодинаковы. Одна из специфических черт современного этапа в развитии политической системы России состоит в существенных различиях динамики конкуренции на общенациональном, региональном и местном уровне. На каждом из этих уровней наблюдаются различные параметры политического плюрализма и партийной конкуренции, различные комбинации электоральных норм и неформальных практик распределения власти в избранных легислатурах. Совокупность этих норм и практик образует феномен, который в настоящем исследовании обозначается как среда политической конкуренции. В представленной работе выявляются типы среды политической конкуренции, различающиеся в плане большей или меньшей благоприятности для развития политического плюрализма на локальном, региональном и общенациональном уровне политической системы, выявляются проблемы и перспективы развития партийной системы. Специфика современной ситуации состоит в ухудшении среды политической конкуренции и сокращении пространства политического плюрализма по мере удаления от центра к периферии. Относительно благоприятные условия для формирования политического плюрализма присутствуют на уровне крупнейших региональных столиц и относящихся к ним субъектов федерации; существенно худшие – в провинциальных регионах; наиболее неблагоприятные, по сути дела исключающие эффективную конкуренцию, – в муниципалитетах областного подчинения. Общенациональные проблемы в функционировании партийной системы и препятствия к развитию реального политического плюрализма в значительной степени заданы кризисными явлениями в политической жизни регионов и муниципалитетов.

Ключевые слова: политическая конкуренция, выборы, партии, избирательные системы, партийная система, региональная политика.

Введение

Развитие институтов, обеспечивающих функционирование политической конкуренции и партийного плюрализма, вне всякого сомнения, является наиболее важным элементом трансформаций, начало которых было задано процессами, стартовавшими еще на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века.

Лозунг политического плюрализма стал главным в политической повестке, задававшейся «демократами» из МДГ, начиная с марта 1990 г. Реализация этого лозунга на практике, т. е. исключение из конституции положения о «руководящей и направляющей» роли КПСС, по сути дела, означала конец Перестройки – мероприятия, начатого верхушкой КПСС ради сохранения своей власти. Призывы к защите демократии были использованы политическими силами, демонтировавшими советскую систему в ходе событий 1991 и 1993 гг. Устранение с политической сцены Верховного Совета, осуществленное при помощи вооруженного насилия, обосновывалось необходимостью защиты демократических завоеваний предшествующих лет от ретроградных поползновений парламента. Одержав победу в ходе переворота («поэтапной конституционной реформы», провозглашенной указом № 1400), Б.Н. Ельцин и его сторонники, еще сохранявшие самоназвание «демократов», действительно провели конституционную реформу, которая, согласно заявлениям, сделанным ими на предыдущем этапе, должна была обеспечить успех экономических преобразований. Одним из ключевых элементов этой реформы стало учреждение новых принципов формирования парламента и проведение в соответствии с ними первых выборов Государственной Думы.

Параметры политического плюрализма на протяжении всего периода с 1993 г. и до настоящего времени были предметом непрерывного реформирования, интенсивность которого была такова, большинство завершившихся в течение этого периода избирательных циклов начиналось в условиях существенно изменившихся правил игры.

Ситуация с неформальными нормами политической конкуренции была гораздо более стабильной с самого начала. При всей их подвижности они, начиная с 1993 г., строились в рамках концепции партии власти, т. е., проще говоря, концепции, согласно которой в политической системе присутству-

ет партия с исключительным статусом, который, вне зависимости от уровня электоральной поддержки, ставит ее на верхнюю ступень политической иерархии; доступ прочих политических сил к участию в конкурентном процессе обуславливался признанием такого status quo и отказом от попыток его изменения. Этот подход был сохранен правящей элитой вплоть до сегодняшнего дня и обеспечил континуитет в развитии российской политической системы в 1990–2010-х гг. Представленное ниже исследование посвящено анализу функционирования совокупности формальных и неформальных практик партийной конкуренции (обобщенно мы обозначим их термином *среда политической конкуренции*) в условиях последнего электорального цикла.

Теоретические основания

Итоги развития практик политического плюрализма и конкуренции в России на сегодняшний день являются предметом, относительно которого в научном сообществе более или менее достигнут консенсус. Этот консенсус состоит в констатации такой черты отечественной политической системы, как ограниченный и управляемый характер плюрализма. Наиболее аргументированный и методологически выверенный анализ ситуации с партийным плюрализмом в России осуществляется сегодня сторонниками теории электорального авторитаризма [1-3]. Полемически (и политически) заостренный смысл этого термина достаточно очевиден и является, по сути дела, приглашением к дискуссии; примечательно в этой ситуации, что исследователи, находящие возможным характеризовать существующий в России режим как демократический, приходят к выводу об изоморфности нынешней политической системы той, что существовала до «демократических преобразований» 1990-х гг. (см. напр., [4]).

С выводом о том, что политический плюрализм в современной России находится в кризисном состоянии, фактически солидарно правительство и парламентское большинство, инициировавшее накануне избирательного цикла 2016 г. масштабную реформу партийного и избирательного законодательства. Целью этой реформы прямо объявлялось усиление разнообразия политических сил, принимающих участие в выборах.

Наиболее разработанным инструментом количественного анализа партийных и избирательных систем на сегодняшний день являются их типологии, построенные на основе измерения эффективного числа партий [5-7]. Оригинальный инструментарий для измерения параметров региональных избирательных кампаний разработан также исследовательским коллективом фонда ИСЭПИ [8]. Используемый нами подход основывается на той же исследовательской стратегии, ориентированной на выявление объективных, количественных параметров политических процессов, и в первую очередь политической конкуренции. Сформулируем основные положения этого подхода.

Методология исследования: основные понятия и гипотезы

Политический плюрализм характеризуется в первую очередь разнообразием политических сил, получающих:

- 1) доступ к участию в выборах;
- 2) доступ в избираемые представительные собрания (парламенты); этот параметр может учитываться:
 - а) в абсолютном выражении, как число политических сил, представленных в парламенте,
 - б) в квалифицированном выражении, как число сил, представленных в парламенте организованными группами (фракциями);
- 3) доступ к руководящим постам в парламенте (председатели и заместители председателей собрания, председатели комитетов).

Конфигурация перечисленных выше параметров образует то, что в настоящей работе будет обозначаться как *среда политической (партийной) конкуренции*. Типы конкурентной среды можно представить в виде схемы (табл. 1).

Системы с безальтернативными (формально) выборами в приведенной схеме не учитываются. С практической точки зрения, впрочем, такие системы мало отличаются от тех, где при вроде бы альтернативных выборах реальную возможность попасть в собрание имеет единственная партия. Будучи плюралистической в формальном отношении, такая система исключает распределение власти между политическими акторами и представляет собой монополию. Соответствующий тип конкурентной среды будет обозначаться нами как монополярный.

Таблица 1

Среда политической конкуренции: основные типы

В выборах участвует более одной партии				В парламенте представлена единственная партия (Политическая монополия)
В парламенте представлено более одной партии				
Полноценную фракцию формируют две и более партий		Полноценную фракцию формирует единственная партия		
В руководящих органах парламента представлены две и более партий (Эффективная конкуренция)	В руководящих органах парламента представлена единственная партия (Ограниченная конкуренция)	В руководящих органах парламента представлены две и более партий (Номинальный плюрализм, переходный тип)	В руководящих органах парламента представлена единственная партия (Номинальный плюрализм)	

Системы, при которых в состав собрания попадают представители двух и более партий, могут качественно различаться в зависимости от того, представлены ли они единичными депутатами или *полноценными фракциями*. Под полноценными фракциями мы будем подразумевать группы, состоящие из трех и более человек. Функции, выполняемые парламентскими фракциями, сводятся главным образом к (1) организации внутривнутрипартийной дискуссии, конкуренции между политическими платформами внутри партии и (2) обеспечению достижения внутривнутрипартийного консенсуса. Основным механизмом обеспечения обеих функций – голосование, предполагающее возможность принимать решение большинством голосов. Этот механизм не может функционировать, если партия представлена одним или двумя депутатами: голосование в этом случае или не имеет смысла, или не допускает распределение голосов на большинство и меньшинство. Система, в которой практическая возможность создавать полноценную фракцию имеется у единственной партии, номинально является плюралистической, но в практическом плане этот плюрализм мало что дает недоминирующим силам. Невозможность развивать внутривнутрипартийные процессы, о которых говорилось выше, налагает существенные ограничения на ротацию партийной элиты и на темпы развития партии и, следовательно, на ее конкурентные возможности. Конкурентную среду, в которой практическую возможность создавать полноценную фракцию имеет единственная доминирующая партия, мы будем обозначать как *номинально плюралистическую*.

Реальный процесс выработки парламентских решений во многом зависит от организации подготовительной работы по выработке проектов парламентских актов. Эта работа, как известно, осуществляется в рамках комитетов и других подобных организационных структур. Соответственно, доступ в состав руководства этими структурами является одним из важных элементов в системе распределения власти. Наличие такого доступа усиливает конкурентные возможности партии и в ходе избирательной кампании, и особенно в период функционирования избранного парламента. Отсутствие доступа к парламентским портфелям конкурентные возможности снижает. Исключение для меньшинства доступа к руководящим постам парламента является, по нашему мнению, хорошим индикатором гегемонистской стратегии доминирующей партии, ведущей борьбу по уничтожению своих конкурентов. Конкурентную среду, в которой недоминирующие силы исключаются из распределения парламентских должностей, мы, в соответствии с этими соображениями, обозначим как среду *ограниченной конкуренции*.

Напротив, готовность делиться парламентскими портфелями свидетельствует о намерении вести политический диалог и видеть в своих конкурентах равных партнеров. Такая линия может проводиться как в ситуации наличия у недоминирующих сил полноценных фракций, так и в ситуации, когда они представлены единичными депутатами. В этом случае среда политической конкуренции останется плюралистической лишь номинально, хотя и станет несколько ближе к реальному плюрализму.

То, что мы только что обозначили как реальный плюрализм, уместнее будет назвать *средой эффективной конкуренции*. На деле наличие среды эффективной конкуренции, т. е. системы, в которой есть две и более партий, способных проходить в парламент в составе полноценных фракций и получать доступ к парламентским портфелям, есть лишь необходимое, но не достаточное условие реального политического плюрализма. Например, места в парламенте и руководящие должности в нем могут быть распределены между номинально оппозиционными партиями, во главе которых стоят

коррупцированные деятели, не являющиеся действительными оппонентами доминирующего большинства и на деле проводящими его линию во всех или в значительной части вопросов; разумеется, в этом случае (далеко не исключительном в современной России) говорить о реальном политическом плюрализме не приходится.

Характеризуя состояние среды политической конкуренции на различных уровнях политической системы, следует учитывать, во-первых, *распространенность нулевых и ненулевых значений* партийного разнообразия (иначе говоря, распространенность случаев, когда в составе представительного собрания представлена единственная партия или две партии и более). Ненулевое значение показателя партийного разнообразия является первой принципиальной точкой на шкале, образующей ось «демократический режим – авторитарный режим». Представляется очевидным, что систематическое отсутствие хотя бы номинального политического плюрализма (т. е. систематическая монополия единственной партии) исключает возможность существования демократии. Второй важный пункт на этой же шкале соответствует показателям партийного плюрализма, типичным для общенационального парламента. Уровень партийного разнообразия, типичный для состава Госдумы, можно рассматривать как своего рода *норму* состояния конкурентной среды, с которой можно соотносить ее состояния на региональном и муниципальном уровнях. Нормальными эти показатели можно считать лишь с большой долей условности, не упуская из виду тот факт, что они характеризуют кризисное состояние отечественного политического плюрализма. Но, как бы то ни было, наличие в представительном собрании пяти и более партий говорит о том, что конкурентная среда, в которой оно функционирует, находится как минимум не в более плачевном состоянии, чем конкурентная среда, существующая в общенациональном масштабе. Аналогичный подход к измерению следует использовать и для оценки партийного разнообразия состава руководящих органов представительных собраний.

По аналогии с партийным разнообразием разнообразие фракционное определяется как число полноценных фракций, входящих в состав представительного собрания. Строго говоря, число фракций, созданных в региональных и муниципальных представительных собраниях, не всегда поддается учету. Зачастую данные о формальном создании фракции невозможно получить из материалов официального сайта представительного собрания. Кроме того, в силу различных причин официально существование фракций не всегда оформляется. Имея в виду эти обстоятельства, целесообразно будет учитывать в качестве полноценной фракции каждый случай, когда в составе представительного собрания имеется трое и более депутатов, принадлежащих к одной партии.

Параметры политического плюрализма в современных мегаполисах

Итак, рассмотрим ситуацию с фракционным и партийным разнообразием в городах с населением свыше миллиона человек и в регионах, столицами которых они являются (табл. 2).

Перечисленные в табл. 2 законодательные собрания избираются в регионах, наиболее благоприятных для политической активности по своим социально-экономическим и демографическим характеристикам. Мегаполисы, являющиеся их столицами, естественным образом предназначены для роли центров политической жизни. В некоторой части этих регионов в состав законодательных собраний прошли по 5 партий (3 из 15 законодательных собраний); в двух парламентах обеспечить себе места сумели 6 партий. Иначе говоря, показатели партийного разнообразия, достигнутые на выборах Госдумы, распространены в наиболее благоприятных для политической активности регионах достаточно слабо. Показатели равные или превышающие значения, характерные для Госдумы, продемонстрировала только одна треть таких собраний. Реформа избирательного законодательства, завершенная незадолго до выборов 2016 г., имела в качестве одной из целей создание более благоприятных условий для партийного плюрализма. В 10 из 15 рассматриваемых выше регионов эта цель не была достигнута.

В большинстве случаев, как видно из таблицы, показатели фракционного разнообразия региональных парламентов ниже аналогичного показателя Госдумы. Создать в региональном парламенте полноценную фракцию недоминирующей партии сложнее, чем в Госдуме. Это обстоятельство выступает в роли фактора, который будет сдерживать развитие как старых оппозиционных партий из «четверки», так и новых, тем более что сложившаяся во многих регионах практика подразумевает резервирование одного из «проходных» мест за деятелем, который, возможно, и не является особенно сильным политиком, но зато способен вложить в избирательную кампанию значительные средства.

Таблица 2

**Фракционное и партийное разнообразие парламентов регионов
и городов федерального значения***

Наименование парламента	Число фракций / число партий
Законодательное Собрание Санкт-Петербурга	5 / 6
Законодательное Собрание Новосибирской области	4 / 5
Законодательное Собрание Свердловской области	4 / 5
Законодательное Собрание Пермского края	4 / 4
Московская городская Дума	3 / 4
Законодательное Собрание Нижегородской области	3 / 4
Государственный Совет Республики Татарстан	3 / 4
Законодательное Собрание Омской области	3 / 4
Государственное собрание-Курултай Республики Башкортостан	3 / 6
Законодательное Собрание Красноярского края	3 / 5
Самарская Губернская Дума	3 / 4
Волгоградская областная Дума	2 / 4
Воронежская областная Дума	2 / 4
Законодательное Собрание Ростовской области	2 / 3
Законодательное Собрание Челябинской области	1 / 4

* Города федерального значения с численностью населения 1 млн и более человек; регионы со столицами с численностью населения 1 млн и более человек.

Фракционное разнообразие региональных парламентов жестко лимитируется обстоятельствами чисто арифметического порядка: на региональных выборах распределяется в 7–10 раз меньше мандатов, чем на федеральных, а значит, и фракции недоминирующих партий будут существенно малочисленнее в сравнении с Госдумой. На выборах в Госдуму недоминирующая партия сумеет конвертировать даже сравнительно небольшой рост (на 5–10 %) поддержки своего списка в рост своего представительства; в региональных парламентах для достижения такого же эффекта потребуются кратное увеличение поданных за нее голосов. При этом у доминирующей партии имеется инструмент, при помощи которого она может сводить на нет эффекты возможного роста популярности оппозиционных сил: имеющееся законодательство позволяет региональным парламентам (т. е. их большинству, сформированному доминирующей партией) понижать долю мандатов, распределяемых в едином избирательном округе по спискам до 25 %.

Еще менее благоприятная для политического плюрализма картина наблюдается в распределении руководящих должностей в региональных парламентах (табл. 3).

Формально показатели разнообразия, наблюдаемые в составе руководящих органов Госдумы, имеются в трех региональных парламентах; фактически же из их числа можно исключить Мосгордуму. Одна из фракций, представленных в руководящих органах московского парламента – «Моя Москва», номинально состоящая из кандидатов-самовыдвиженцев, фактически является филиалом «Единой России». В ее состав входят депутаты, прошедшие процедуру праймериз ЕР и избранные в округах (специально созданных незадолго до выборов), где ЕР не выставляла своих кандидатов. В региональных парламентах, отличающихся высоким уровнем партийного и фракционного разнообразия, таких как Законодательные собрания Свердловской и Новосибирской областей, в состав руководящих органов входят представители единственной партии («Единой России»). Оценивая ситуацию, наблюдающуюся в этих парламентах, не стоит забывать тот факт, что во главе столиц обеих областей на момент избрания областных парламентов находились представители оппозиционных партий. Нулевые показатели партийного разнообразия руководящих органов наблюдаются в 6 из 15 рассматриваемых парламентов. В двух парламентах (Мосгордума и Заксобрание Нижегородской области) в состав руководящих органов включены представители всех партий, сумевших создать полноценные фракции; еще в двух (Волгоградская и Воронежская области) в руководящие органы были включены представители всех представленных в них партий.

Таблица 3

Партийное разнообразие руководящих органов парламентов регионов и городов федерального значения*

Наименование парламента	Число партий, представленных в руководящих органах парламента
Законодательное Собрание Санкт-Петербурга	4
Законодательное Собрание Новосибирской области	1
Законодательное Собрание Свердловской области	1
Законодательное Собрание Пермского края	1
Московская городская Дума	4
Законодательное Собрание Нижегородской области	3
Государственный Совет Республики Татарстан	2
Законодательное Собрание Омской области	2
Государственное собрание-Курултай Республики Башкортостан	2
Законодательное Собрание Красноярского края	2
Самарская Губернская Дума	1
Волгоградская областная Дума	4
Воронежская областная Дума	3
Законодательное Собрание Ростовской области	1
Законодательное Собрание Челябинской области	1

* Города федерального значения с численностью населения 1 млн и более человек; регионы со столицами с численностью населения 1 млн и более человек.

Такое положение вещей демонстрирует различие стратегий, применяемых доминирующей партией на федеральном и региональном уровне. Повторить жест доброй воли, сделанный «Единой Россией» в Госдуме – включение в руководящие структуры представителей всех фракций, – их коллеги в большинстве региональных парламентов не решились и предпочли использовать в отношениях с оппонентами гегемонистскую тактику. Недоминирующие партии в них оказались лишены доступа к этому важному политическому ресурсу.

Несколько иная конфигурация политического плюрализма наблюдается в представительных собраниях мегаполисов (табл. 4):

Таблица 4

Фракционное разнообразие состава муниципальных представительных собраний и партийное разнообразие их руководящих структур (города с населением 1 и более млн чел.)

Представительное собрание	Число полноценных фракций	Число партий в составе руководящих органов
Совет депутатов города Новосибирска	3	2
Екатеринбургская городская Дума	3	1
Городская Дума Нижнего Новгорода	3	3
Казанская городская Дума	3	1
Челябинская городская Дума	1	1
Омский городской Совет	3	1
Дума городского округа Самара	1	1
Городская Дума Ростова-на-Дону	2	3
Совет городского округа город Уфа	3	5
Красноярский городской Совет депутатов	4	2
Пермская городская Дума	1	1
Воронежская городская Дума	2	2
Волгоградская городская Дума	3	3

Нетрудно заметить, что показатели фракционного разнообразия в представительных собраниях муниципалитетов ниже, чем аналогичные показатели региональных парламентов. Среди городских представительных собраний мегаполисов имеются такие, где недоминирующие партии представлены лишь единичными депутатами; лишь в единственном случае уровень фракционного разнообразия достигает значения, типичного для Госдумы.

Достаточно широко распространена практика исключения недоминирующих (но все же сумевших сформировать полноценную фракцию) партий из распределения руководящих постов (в 5 из 10 собраний, где имеется более одной полноценной фракции; еще в 3 собраниях в руководстве представлены все фракции, а в двух в состав руководства включены представители партий, представленных единичными депутатами).

Таким образом, уровень политического плюрализма в представительных собраниях крупнейших городов уступает аналогичному уровню Госдумы и региональных парламентов тех субъектов Федерации, где эти города являются столицами.

Партийный плюрализм в провинции

Сравним эту ситуацию с той, что наблюдается в провинции – в регионах, на территории которых нет городов-миллионников. В качестве примера мы будем опираться на регионы, входящие в состав Уральского федерального округа (за вычетом Свердловской и Челябинской областей).

Таблица 5

Фракционное разнообразие состава региональных парламентов УрФО* и партийное разнообразие их руководящих структур

Региональный парламент	Число полноценных фракций	Число партий в составе руководящих органов
Курганская областная Дума	1	1
Тюменская областная Дума	3	1
Дума Ханты-Мансийского автономного округа	2	1
Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа	1	1

* За вычетом Свердловской и Челябинской областей.

В законодательных собраниях представленных в таблице регионов наличие единственной полноценной фракции не редкость, а политическая монополия доминирующей партии в руководящих структурах – норма.

Еще менее благоприятная с точки зрения развития партийного плюрализма ситуация наблюдается в представительных собраниях муниципалитетов (табл. 6).

Представленные данные говорят о том, что на различных уровнях политической системы состояние политического плюрализма не одинаково. На уровне федерального парламента наблюдается то, что (по крайней мере, формально) можно обозначить как среду эффективной конкуренции: в состав Госдумы входят 5 партий, 4 из которых представлены полноценными фракциями и включены в руководящие структуры парламента.

В региональных парламентах тех субъектов Федерации, где расположены крупнейшие города, достигается схожий уровень партийного разнообразия (представлены как минимум все старые парламентские партии) и, как правило, хотя и не всегда, наблюдается «нормальный», т. е. типичный для Госдумы, уровень фракционного разнообразия. При этом доминирующая партия достаточно широко практикует в таких парламентах гегемонистскую тактику исключения недоминирующих сил из руководящих структур. Тем не менее здесь еще сохраняются такие островки среды эффективной конкуренции, как заксобранья Воронежской и Волгоградской областей.

В представительных собраниях мегаполисов тенденция к распространению того, что выше было обозначено как среда ограниченной конкуренции, выражена еще более отчетливо: число фракций в них меньше, а практика исключения недоминирующих сил из руководящих структур встречается чаще.

Таблица 6

Фракционное разнообразие состава муниципальных* представительных собраний УрФО
и партийное разнообразие их руководящих структур**

Представительное собрание	Число полноценных фракций	Число партий в составе руководящих органов
Курганская городская Дума	1	1
Тюменская городская Дума	3	1
Дума города Ханты-Мансийска	2	2
Городская Дума города Салехарда	1	1
Шадринская городская Дума	1	1
Тобольская городская Дума	1	2
Дума города Сургута	1	1
Районная Дума МО Надымский район	1	1

* В таблице отражены данные по представительным собраниям региональной столицы и второго крупнейшего муниципалитета.

** За вычетом Свердловской и Челябинской областей.

Для значительной части региональных парламентов в провинции типична ситуация, когда политический плюрализм существует лишь номинально. Недоминирующие партии еще могут проводить в их состав своих кандидатов, но, как правило, не в том количестве, которое позволяет формировать полноценные фракции. Большинство, сформированное доминирующей партией, не рассматривает оппозицию в качестве полноправного участника парламентской деятельности и не допускает ее к распределению парламентских портфелей.

На уровне муниципальных представительных собраний в глубинке номинально плюралистическая среда политической жизни встречается реже: как правило, речь идет о монополии доминирующей партии. Даже в сравнительно крупных муниципалитетах недоминирующие силы весьма редко попадают в городскую или районную Думу не только в составе полноценных фракций, но хотя бы в лице отдельных депутатов.

Различия в параметрах политического плюрализма, наблюдающиеся на уровне общенационального парламента, региональных legislatures и местных представительных собраний, порождаются существующими на этих уровнях политической системы различиями в конфигурациях формальных норм и неформальных практик распределения власти. Смешанная (а до недавнего времени – чисто пропорциональная) система, используемая на выборах Госдумы, создает достаточно благоприятные конкурентные условия для партий парламентской оппозиции; она же позволяет этим партиям проводить своих кандидатов в региональные парламенты, причем в количествах, достаточных для формирования полноценных фракций. Почти повсеместная ликвидация элементов пропорциональной системы при формировании местных представительных собраний в большинстве случаев препятствует получению этими партиями аналогичных результатов; кроме того, некоторое распространение получили и незелекторальные процедуры формирования таких собраний, т. е. делегирование их депутатов из среды депутатов поселковых советов и советов муниципальных районов. Общая закономерность устройства избирательных систем состоит в том, что по мере движения от более высоких уровней к низким распространение получают все более жесткие мажоритарные модели формирования представительных собраний. В свою очередь, усиление роли мажоритарных и незелекторальных элементов в избирательных системах показывает хорошую корреляцию с сокращением показателей партийного и фракционного разнообразия депутатского корпуса [9]. Аналогично: по мере движения от федерального к местному уровню представительной власти более широкое распространение приобретает практика исключения недоминирующих сил из процесса выработки политических решений. По мере удаления от столицы партия-гегемон все реже демонстрирует готовность рассматривать своих оппонентов в качестве полноправных участников политического процесса и делиться с ними парламентскими портфелями.

Выводы

Описанная ситуация представляется достаточно неблагоприятной для развития институтов демократического государства. Местные представительные собрания в норме призваны выполнять

функцию стартовой площадки в карьере будущего профессионального политика. Их же целесообразно рассматривать в качестве первой ступени для входа новых сил на общенациональную политическую арену. Опыт политической деятельности, опыт ответственности перед избирателями и навыки практического исполнения полномочий – все это важные элементы профессиональной компетентности политика, представляющего как доминирующую, так и недоминирующие партии. На практике, как было показано выше, такие возможности для недоминирующих сил реализуются разве что в столицах и (уже с некоторыми оговорками) в мегаполисах и прилегающих к ним регионах. В общем же случае вход в пространство политической деятельности для недоминирующих сил возможен разве что на уровне регионального парламента (причем чем дальше он находится от центра, тем более проблематичны его стартовые возможности).

Такое положение вещей налагает серьезные ограничения на процессы рекрутирования и ротации политической элиты, сковывает конкуренцию идей и программ и в целом партийную жизнь. Именно здесь, на местном и региональном уровне политической системы, на наш взгляд, и находятся источники значительной части политических проблем, выражающихся в дефиците стратегий и смыслов политической жизни, так и не преодоленном за весь постсоветский период.

Ситуация с политическим плюрализмом, а точнее с его отсутствием, на региональном и местном уровне политической системы является продуктом политической инженерии, осуществлявшейся партией власти в 1993–2016 гг. Процесс нормотворчества, ставший инструментом создания максимальных конкурентных преимуществ партии власти и сдерживания ее оппонентов в электоральном процессе, достаточно детально проанализирован в исследовательской литературе [10; 11]. В период подготовки выборов 2016 г. достижение политической монополии обеспечивалось сокращением роли пропорциональных элементов избирательной системы на всех уровнях политической жизни – от городской или районной думы до Федерального Собрания.

Партия власти к 2007 г. представляла собой весьма своеобразную организацию: она сумела мобилизовать в свои ряды значительное число авторитетных в глазах избирателей персон, но не смогла выработать стратегию, которая позволила бы ей реализовать собственные замыслы (так называемый план Путина). Закономерным результатом этого противоречия в 2011 г. стало резкое падение поддержки партии, представленной списком кандидатов на выборах Госдумы, при сохранении достаточно высокого уровня доверия к кандидатам, выступавшим в одномандатных округах на выборах региональных и местных представительных собраний. После 2012 г. разрыв между сравнительно высоким качеством кадрового состава и крайне низким уровнем политической стратегии лишь усилился – наглядным выражением этого стали, в частности, ситуация с (не)исполнением существенной части так называемых майских указов, прекращение роста реальных доходов граждан, а затем и их снижение. На фоне этих и ряда других процессов произошло дальнейшее сокращение (почти на 4 млн) числа голосов, поданных за список «Единой России» на выборах Госдумы в 2016 г.

В этих условиях понижение роли пропорциональных элементов электоральной системы на общенациональных выборах до уровня, существовавшего на выборах региональных парламентов, стало вполне прагматичной (и эффективной) превентивной мерой, позволившей «Единой России» остаться партией власти. В дополнение к этому инструменту партийной гегемонии в действие были введены нормы, допускающие дальнейшее сокращение роли пропорциональной системы на региональных и местных выборах, на местном уровне партия власти получила возможность вовсе отказаться от прямых выборов представительных собраний. К 2018 г. эти новации были внедрены в местную и региональную политику в сравнительно небольшом масштабе. По нашему мнению, они стали своего рода заделом на будущее: есть все основания полагать, что новый виток ликвидации институтов социального государства, ознаменованный началом пенсионной реформы 2018 г., приведет к дальнейшему падению популярности «Единой России». Если это произойдет и рост протестных настроений приведет кувеличению поддержки оппозиционных сил, нежелательные для партии власти электоральные эффекты могут быть купированы при помощи перечисленных выше инструментов.

Столь успешная реализация гегемонистской стратегии партии власти не была бы возможна при наличии дееспособной парламентской оппозиции. Одним из факторов ослабления оппозиционных партий стала политическая ситуация, сложившаяся на местном и региональном уровне. Существующая на сегодняшний день конфигурация местных и региональных партийно-избирательных систем такова, что при наличии поддержки, соответствующей результатам общенациональных выборов, кандидаты от оппозиционных партий имеют весьма призрачные шансы на прохождение в состав ме-

стных представительных собраний; недоминирующие партии, сумевшие попасть в региональные парламенты, как правило, располагают в них единичными депутатами, а в тех редких случаях, когда они все же создают полноценные фракции, они по большей части не получают доступа к парламентским должностям. Ротация общенационального и регионального руководства оппозиционных партий лимитируется дефицитом подготовленных кадров, т. е. профессиональных политиков, имеющих опыт парламентской деятельности; рядовые сторонники этих партий демотивируются к активному участию в избирательных кампаниях практическим отсутствием сколько-нибудь предсказуемых перспектив профессиональной политической деятельности. По сути дела, местные выборы не являются для партий парламентской оппозиции эффективным каналом рекрутирования новых лидеров. Кадровый застой руководства, неспособность даже к локальным победам привели к тому, что сокращение абсолютного уровня поддержки оппозиционных партий в 2016 г. происходило с еще более высоким темпом, чем отмеченное выше сокращение поддержки партии власти. Поддержка оппозиционных сил фактически перестала быть эффективной формой протестного поведения, и протестные настроения были канализированы в рост абсентеизма.

Сокращение среды эффективной конкуренции по мере удаления от общенационального уровня политической системы является одной из предпосылок нарастающего комплексного кризиса формировавшейся с 1993 г. политической модели. Наличие системной оппозиции – элемента, без которого невозможно существование сформированного в 2000-х гг. партийного картеля – в сложившейся ситуации лишается всякого смысла, поскольку этот смысл изначально задавался возможностью участвовать в распределении власти. Для того чтобы наглядно представить масштабы отлучения недоминирующих сил от распределения власти в регионах, достаточно вспомнить, что в том же Уральском федеральном округе, примеры из политической жизни которого уже приводились выше, 75 местных представительных собраний (40 % от общего числа) являются однопартийными по своему составу [9]. В высшей степени сомнительно, что дискредитированные в глазах значительной части избирателей партии парламентской оппозиции при сохранении описанной выше ситуации могут быть успешно заменены новыми системными силами, начисто провалившимися избирательные кампании 2016 г. Зато рост популярности антисистемных сил виден невооруженным глазом. Линейное развитие имеющихся сегодня тенденций будет означать необходимость движения отечественной политической системы по примерно той же траектории, что была характерна для таких постсоветских государств, как Казахстан, Узбекистан или Азербайджан, т. е. в сторону превращения партии власти в декорацию, прикрывающую клановую систему. Этот сценарий, впрочем, вряд ли возможен в России и совершенно точно не совместим с ее ключевой ролью в мире и сохраняющимся высоким уровнем социально-экономического развития. Потребности социально-политического развития России на современном этапе требуют формирования благоприятной среды политической конкуренции, вне которой, как показывает опыт функционирования нынешней системы, невозможна эффективная выработка политических стратегий и практик. Решение этой задачи, в свою очередь, невозможно без изменения сложившейся в регионах среды политической конкуренции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. 2012. № 4 (67). С. 65-88.
2. Иванова М.В. Измерение выборов при электоральном авторитаризме: индекс диспропорциональности для российских выборов // *ПОЛИТЭКС*. 2015. № 4. С. 198-207.
3. Карандашова С.А. Российские особенности электорального авторитаризма: новые практики обеспечения победы инкумбентов на губернаторских выборах // *Вестн. Пермского государственного университета*. Сер. Политология. 2015. № 1. С. 51-67.
4. Диких А.А. «Партия власти» в России // *Современные исследования социальных проблем (электронный журнал)*. 2014. № 1 (33). URL: http://journals.org/index.php/sisp/article/view/120148/pdf_480.
5. Laakso M., Taagepera R. "Effective" Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies*. 1979. No. 12 (1). P. 3-27.
6. Lijphart A. *Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945-1990*. Oxford: Oxford University Press, 1994. 228 p.
7. Golosov G. V. The Effective Number of Parties: A New Approach // *Party Politics*. 2010. No. 16. P. 171-192.
8. Фонд ИСЭПИ провел сравнительный анализ электоральных рейтингов партий на старте выборов в Государственную Думу 2011 и 2016 гг. URL: <http://isepr.ru/news/issledovanie/>.

9. Мархинин В.В. Политический плюрализм и итоги реформы региональной избирательной системы в электро-ральном цикле 2016 г. (по материалам обследования местных избирательных кампаний в УРФО) // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, вып. 2. С. 217-227.
10. Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М.: Центр «Панорама», 2014. 728 с.
11. Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. 312 с.

Поступила в редакцию 08.09.2018

Мархинин Василий Васильевич (мл.), кандидат философских наук,
доцент кафедры политико-правовых дисциплин
БУ ВО «Сургутский государственный университет»
628412, Россия, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, д. 1
E-mail: marhinin.basilio@yandex.ru

V.V. Markhinin (jr)

THE ENVIRONMENT OF PARTY COMPETITION: PRESENT STATE AND PROSPECTS OF PARTY SYSTEM IN CONTEMPORARY RUSSIA (REGIONAL ASPECTS)

Institutions for party competition and political pluralism in post-Soviet Russia had been designed by the supreme power according to the “party of power” concept. Thus a system of formal and non-formal rules for restricting the opportunities for parliamentary opposition had been framed. The means for such a restriction at different levels of political system varied in a large scale. One of the specific features of the current stage in the development of Russia's political system is the significant differences in the dynamics of competition at the national, regional and local levels. At each of these levels, various parameters of political pluralism and party competition, as well as various combinations of electoral norms and informal practices of the distribution of power in elected legislatures are observed. The totality of these norms and practices forms a phenomenon, which in this study is designated as an environment of political competition. The presented work identifies the types of environment of political competition that differ in terms of greater or less favorableness for the development of political pluralism at the local, regional and national level of the political system; problems and prospects for the development of the party system are revealed. The specificity of the current situation is the deterioration of the environment of political competition and the reduction of the space of political pluralism as it moves away from the center to the periphery. Relatively favorable conditions for the formation of political pluralism are present at the level of the largest regional capitals and related subjects of the federation; significantly worse - in provincial regions; the most unfavorable, in fact excluding effective competition - in the municipalities of regional subordination. National problems in the functioning of the party system and obstacles to the development of real political pluralism are largely set by crisis phenomena in the political life of regions and municipalities.

Keywords: political competition, elections, parties, electoral systems, party system, regional policy.

Received 08.09.2018

Markhinin V.V. (jr.), Candidate of Philosophy, Associate Professor
Surgut State University
1, Prosp. Lenina, Surgut, KhMAO–Yugra, Russia, 628412
E-mail: marhinin.basilio@yandex.ru